

Тань Шань и в самых смелых снах представить себе не мог, что Усадьба Чжу и Дворец Ваньжэнь выступят свидетелями в пользу его сына. Ошеломленный внезапной отцовской радостью — «надо же, мой оболтус на что-то сгодился!» — он долго пребывал в каком-то ступоре, пока наконец не спохватился:

— Альянс-мастер Вань, раз уж...

— Я знаю, — Вань Чжунь жестом показал, что продолжать не нужно. — Раз уж Сяо Инь вызвался дать показания, значит, молодой господин Тань вряд ли причастен к убийству. Сейчас самое главное — поскорее разыскать Лю Сияна.

Ни у кого не возникло возражений — да и кто посмел бы спорить?

Квартал Шуйцзинфан оставался все тем же древним кварталом, и воздух по-прежнему был напоен густым ароматом вина, вот только гулять и радоваться жизни больше ни у кого настроения не было. Все разошлись по своим покоям, а ордена, чьи ученики погибли, смирились с горькой участью и отправили слуг вешать белые полотна для траурных залов. Тань Шуцю во все глаза смотрел на Чжу Яньиня, но долго не решался вымолвить и слова. Главным образом из-за того, что рядом стоял владыка дворца Ли — казалось, открой Тань Шуцю рот, и тут же лишится жизни.

Чжу Яньинь спросил:

— А почему ты сразу не сказал, что это я тебя спас?

Лицо Тань Шуцю снова побледнело:

— Да разве я осмелился бы!

Чжу Яньинь потерял дар речи.

— Значит... теперь это дело меня больше не касается? — заикаясь, спросил Тань Шуцю.

— Разумеется, касается, — ответил Чжу Яньинь. — Раз уж вы отправились в путь впятером, ты должен до мельчайших подробностей вспомнить все, что произошло по дороге, даже если это сущие пустяки, и рассказать альянс-мастеру Ваню. Только так можно будет поскорее раскрыть дело.

— Да ничего такого и не было... — пробормотал Тань Шуцю. — Просто они всю дорогу надо мной издевались. Рассказывать — только позориться.

Услышав это, Тань Шань почувствовал, что у него снова закипает кровь от злости. Его злила и наглость тех четверых, и собственное ничтожество-сын: почему он вырос таким бесхребетным трусом, да еще и смеет заикаться о каком-то позоре?

Ли Суй не собирался больше выслушивать хныканье Тань Шуцю. Он глянул на улицу, заметил, что слуги из Усадьбы Чжу уже спешат сюда, и молча развернулся к заднему двору.

— Владыка дворца Ли! — Чжу Яньинь решительно бросил Тань Шуцю и засеменил следом за Ли Суем. — Вы куда?

— В покойницу.

Чжу Яньинь тут же замер на месте. Ах, вот как? Что ж, прошу прощения за беспокойство!

Ли Суй обернулся и посмотрел на него:

— Что, тоже хочешь взглянуть?

Чжу Яньинь замотал головой так сильно, что заплесали белые ленты в его волосах. С какой стати ему посреди ночи разглядывать трупы? Он боится призраков и смотреть ни на что не собирается.

Ли Суй некоторое время разглядывал его, а затем уголки его губ изогнулись в издевательской усмешке:

— У тебя за спиной старик.

Чжу Яньинь испуганно вздрогнул.

Владыка дворца Ли взлетел в седло и, эффектно развернув коня, умчался прочь.

Чжу Яньинь застыл как вкопанный:

— Дядя Чжан!

Чжу Чжан с готовностью отозвался:

— Да, молодой господин! Возвращаемся?

Голос прозвучал прямо над самым ухом. Сердце Чжу Яньиня пропустило удар, и он испуганно вскрикнул:

— А-а-а!

Впрочем, с тех пор как он повстречал владыку дворца Ли, он то и дело вздрагивал и кричал от испуга — его жизнь теперь была полна неожиданностей.

С подрагивающими губами Чжу Яньинь спросил:

— Да когда ты успел подойти?

Чжу Чжан искренне недоумевал: «Да только что. Владыка дворца Ли ведь ясно сказал, что у молодого господина за спиной старик. Это он про меня».

Чжу Яньинь обреченно вздохнул.

Чжу Чжан подогнал небольшой экипаж и повез своего молодого господина обратно на постоянный двор.

Цзян Шэнлинь всю ночь провозился с лекарствами. Ему нужно было неотлучно следить за огнем, поэтому, хоть он и слышал, что снаружи что-то стряслось, времени разузнать подробности у него не нашлось. Лишь на следующее утро, непрерывно зевая, он заглянул к Ли Сую:

— Ты вчера...

На полуслове он осекся. Его взгляд упал на стол, где лежал сверкающий бутафорский меч, увешанный красными шелковыми кистями. Зрелище было до боли знакомым: такие мечи

обычно используют уличные фокусники, выступающие под грохот гонгов и зазывные выкрики: «У кого есть деньги — поддержите монетой, у кого нет — поддержите вниманием!»

Ли Суй спросил:

— На что уставился?

Цзян Шэнлинь недоумевал:

— Откуда у тебя эта дешевка?

Ли Суй откинулся на спинку стула:

— Угадай.

Цзян Шэнлинь ненадолго задумался и ответил:

— Решил завязать с убийством Читяня и податься в бродячие артисты, чтобы глотать мечи на площадях?

Ли Суй швырнул ему меч:

— Глотай!

— Ну а если серьезно, без шуток, — Цзян Шэнлинь сел. — Снаружи всю ночь стоял шум. Что там стряслось?

— Ничего особенного, обустривают поминальные залы, — лениво отозвался Ли Суй. — Выйдешь прямо сейчас — глядишь, успеешь на поминальный пир и урвешь кусок свиной головы.

Цзян Шэнлинь мысленно возмутился: да кто пойдет на такие поминки!

А этот меч с красными кистями Ли Суй купил по дороге назад. Осматривая тела троих погибших, под ногтями Цуй Вэя он обнаружил обрывки чужой кожи и несколько красных нитей.

Цзян Шэнлинь потянул за кисточку на рукояти:

— Вот эти?

— Да, — ответил Ли Суй. — Красные нити можно найти где угодно, и про мечи я поначалу не думал. Однако потом я заметил на теле Цуй Вэя множество мелких ран шириной с палочку для еды. Самые легкие были просто синяками, а самые глубокие едва рассекали кожу на пол-цуня.

Одежда Цуй Вэя почти не пострадала, из чего следовало, что раны нанесли не острым клинком. Но по ширине и глубине они также не походили на следы от деревянных палок или железных прутьев. Оружие, оставившее такие отметины, должно было быть тонким, тупым и удобным для замаха.

Цзян Шэнлинь взвесил бутафорский меч в руке:

— И ты сразу подумал об этой дешевке? Но ведь и обух обычного меча тоже тонкий и тупой.

— Перед смертью Цуй Вэй избивали долго и беспорядочно, нанеся ему не меньше сотни ударов, — пояснил Ли Суй. — Убийца явно бил вслепую и в спешке, у него не было времени следить за тем, какой стороной клинка — острой или тупой — наносится удар. Отсюда вывод: оружие в его руках вообще не имело лезвия.

Бутафорское оружие уличных артистов никогда не затачивают. К тому же эта тонкая, яркая красная нить... Тот, кто может позволить себе настоящий меч и заботится о его украшении, вряд ли станет вешать дешевую красную кисточку, выставя себя на посмешище. Разве что он действительно бродячий трюкач.

— И то верно, — поразмыслив, согласился Цзян Шэнлинь. — А что насчет Чжао Хунху и Гэ Чанье? Я слышал, их отравили?

— Сначала их напоили ядом, а затем задушили грубой веревкой, — ответил Ли Суй. — Получается, причины смерти у всех троих разные.

Цуй Вэй хоть и был покрыт ранами с ног до головы, умер не от них — его погубила все та же веревка.

Яд в телах Чжао Хунху и Гэ Чанье уже разъел внутренние органы, шансов выжить у них все равно не оставалось. Петля лишь ускорила неминуемый конец, оборвав предсмертные муки.

Цзян Шэнлинь нахмурился:

— Хорошо, если это обычные личные счеты. Главное — чтобы это не были козни Читяня, которому не терпится начать действовать.

Ли Суй равнодушно бросил:

— Даже если за этим и стоит Храм Фэньхо, это дело рук мелких прихвостней. Сам он так рано не объявится.

Цзян Шэнлинь на мгновение замолк. Вспомнив, насколько коварен этот человек, он тихо вздохнул:

— Твоя правда.

Во второй половине дня Альянс боевых искусств планировал устроить Тань Шуцю детальный допрос. Хотя, глядя на то, как этот трус дрожит от страха, вряд ли от него можно было добиться хоть сколько-то полезных сведений. Но что поделать — такова участь бедняги... точнее, счастливчика, ведь он единственный уцелел из пяти человек, отправившихся засвидетельствовать почтение мастеру Чаньцзи. Так что установленный порядок нарушать не стали.

Осеннее солнце светило ласково и тепло. Лучи проникали сквозь узоры оконных рам, делая тишину мирного послеполуденного часа еще глубже.

Владыка дворца Ли тоже сидел неподвижно. С ледяным спокойствием он наблюдал за тем, как за дверью маячит чья-то смутная тень, похожая на пушистое облачко.

Сначала тень приблизилась.

Потом отдалилась.

Снова подошла.

И снова ушла обратно.

Чжу Сяосуй прошептал одними губами:

— Молодой господин, давайте лучше пойдем в Альянс боевых искусств. Владыка дворца Ли, должно быть, еще поживает.

Чжу Яньинь переминался с ноги на ногу в коридоре, не желая сдаваться. Разве в книжках не пишут, что мастера с глубокой внутренней силой улавливают малейшее движение, даже когда крепко спят? Почему же оттуда не доносится ни звука? Неужели во всех этих романах нагло врут?

Он осторожно прильнул к дверной щели, пытаясь заглянуть внутрь.

Чжу Сяосуй обомлел от такой дерзости. Какое непристойное поведение для благородного господина!

Но в этот самый момент дверь внезапно распахнулась.

Второй молодой господин Чжу совсем не ожидал этого и по инерции полетел вперед, прямо в объятия Ли Суя. Его благоухающая белая фигура врезалась прямо в грудь Ли Суя. От него так и веяло продуманным расчетом — какое коварство!

Чжу Яньинь тихонько охнул от боли в носу. Тела великих мастеров боевых искусств и впрямь словно выкованы из стали.

Ли Суй безучастно спросил:

— Что-то нужно?

— ...После полудня Альянс боевых искусств продолжит допрос Тань Шуцю. Разве владыка дворца Ли не пойдет? — Чжу Яньинь выпрямился. — Время уже подходит.

— Зачем мне туда идти?

— Ну, вдруг это как-то связано с Храмом Фэньхо? Вдруг удастся найти какие-то зацепки.

На самом деле Чжу Яньинь очень хотел, чтобы Ли Суй пошел с ними. Хотя за время пути они общались мало, юноше казалось, что на этого человека можно положиться гораздо больше, чем на весь Альянс боевых искусств. Заметив, что Ли Суй молчит, второму молодому господину Чжу пришлось изо всех сил придумывать тему для беседы, чтобы неловкая пауза окончательно не оживила зашедший в тупик разговор.

Его взгляд упал на лежащий на столе меч с красными кисточками.

Чжу Яньинь притворился крайне удивленным — впрочем, его изумление было вполне искренним, ведь он ума не мог приложить, зачем сильнейшему мастеру Поднебесной понадобилась эта грошовая игрушка.

— А для чего этот меч? — поинтересовался он.

Ли Суй ответил:

— Разве тебе не нравятся мечи и кинжалы?

Чжу Яньинь почувствовал себя польщенным, но больше все-таки озадаченным:

— Это мне подарок?

<http://bllate.org/book/18290/1754090>